

Боулби Джон

"СОЗДАНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ"

Лекция 4.

Влияние на поведение разрыва эмоциональной связи

В течение ряда лет Евгеническое общество организует симпозиумы, на которых обсуждается взаимодействие генетических факторов и факторов, относящихся к окружающей обстановке, на человеческое развитие. Четвертый симпозиум, проходивший в Лондоне осенью 1967 года был посвящен теме "Влияние генетических факторов и факторов окружающей обстановки на поведение". Нижеследующая статья была подготовлена для данного симпозиума и опубликована в следующем, году.

Семейным врачам, священникам и проникательным людям давно уже было известно, что немногие удары для человеческого духа могут быть столь же тяжелыми, как утрата близкого и дорогого человека. Традиционная мудрость знает, что мы можем быть сокрушены печалью и умереть от разбитого сердца, и что брошенный любовник склонен совершать поступки, которые глупы или опасны для него самого и других людей. Ей также известно, что ни любовь, ни печаль не испытываются по отношению к любому другому человеку, но лишь по отношению к одному или к немногим выделяемым и индивидуальным людям. Внутренней сутью того, что я обозначил термином "эмоциональная связь", является та привлекательность, которой обладает один индивид для другого.

Вплоть до последних десятилетий наука мало что могла сказать относительно этих вопросов. Экспериментальные ученые, работающие в области физиологической психологии или в традициях теории обучения, никогда не проявляли интереса к эмоциональным привязанностям и иногда говорили и действовали таким образом, как если бы они не существовали. Психоаналитики, в отличие от них, давно уже осознавали громадную значимость эмоциональных связей в жизни и проблемах своих пациентов, но у них не было адекватно развитых научных подходов, дающих возможность понимания возникновения, сохранения и разрыва таких привязанностей. Данный вакуум был заполнен этологами, начиная с классической работы Лоренца "Партнер в мире птиц" (1935) и далее через множество экспериментов по импринтингу (Bateson, 1966; Sluckin, 1964) к исследованиям поведения привязанности у не принадлежащих к человеческому роду приматов (Hinde, Spencer-Booth, 1967; Sade, 1965), вдохновляя психологов на проведение сходных исследований людей (Ainsworth, 1967; Schaffer, Emerson, 1964).

Распространенность привязанности

Перед обсуждением воздействия на поведение разрыва эмоциональной связи уместно поговорить о привязанности и ее распространенности. В вышеупомянутых работах показано, что даже если они не универсальны у птиц и млекопитающих, сильные и стойкие узы связывания между особями являются правилом для очень многих видов. Типы устанавливаемой связи отличаются от одних видов к другим, причем наиболее распространенные узы связывания существуют между одним или обоими родителями и их потомством, а также между взрослыми особями противоположного пола. У млекопитающих, включая приматов, самая первая и наиболее прочная из всех привязанностей обычно имеет место между матерью и детенышем. Данная связь часто продолжает существовать и во взрослой жизни. Как результат всей этой работы, теперь возможно рассматривать сильные и прочные эмоциональные связи, развиваемые людьми, со сравнительной точки зрения.

Эмоциональная привязанность является результатом социального поведения каждой особи данного вида, различаясь в соответствии с тем, с какой другой особью этого вида происходит взаимодействие; что, конечно же, влечет за собой способность различать особей. В то время как каждый член связанной друг с другом пары склонен оставаться в близости к другому члену пары и вызывать в нем сохраняющее близость поведение особи, которые не привязаны друг к другу, не проявляют таких наклонностей; и действительно, когда две особи не привязаны друг к другу, одна особь может часто сильно сопротивляться какому-либо приближению, которое может пытаться осуществить другая особь. Примером служат отношение родителя к приближению не своего детеныша и отношение самца к приближению другого самца.

Существенно важной чертой эмоциональной связи служит то, что два партнера склонны оставаться в близости друг к другу. Если им приходится по какой-либо причине находиться в разлуке, каждый из них раньше или позже ищет вторую половину и, таким образом, возобновляет близость. Любая попытка третьей стороны разлучить связанную друг с другом пару встречает энергичное сопротивление: нередко более сильный из партнеров нападает на незваного пришельца в то время, как более слабый партнер спасается бегством или, возможно, льнет к более сильному партнеру. Очевидными примерами являются ситуации, в которых захватчик пытается удалить детеныша от матери, например, теленка от коровы, или отторгнуть самку от связанной друг с другом гетеросексуальной пары, например, гусыню от гусака.

Несколько парадоксальным образом, поведение агрессивного вида играет ключевую роль в сохранении эмоциональных связей. Оно принимает две различные формы: во-первых, нападение на незваных пришельцев и их отпугивание, во-вторых, наказание заблудшего партнера, будь это жена, муж или ребенок. Имеются данные, что большое

количество агрессивного поведения озадачивающего и патологического типа порождается той или другой из этих форм поведения (Bowlby, 1963).

Нежные привязанности и субъективные состояния переживания сильной эмоции склонны идти рука об руку, что известно каждому романисту и драматургу. Таким образом, многие из наиболее сильных человеческих эмоций появляются во время возникновения, сохранения, разрыва и возобновления нежных привязанностей - которые, по этой самой причине, иногда называются эмоциональными привязанностями. На языке субъективного переживания образование привязанности описывается как начало влюбленности, сохранение привязанности - как любовь кого-либо, а утрата партнера - как печаль о ком-либо. Сходным образом, угроза утраты любимого лица порождает тревогу, а действительная утрата вызывает скорбь; в то время как обе эти ситуации склонны вызывать гнев. Наконец, ненарушаемое сохранение привязанности переживается как источник безопасности, а возобновление привязанности - как источник радости. Таким образом, каждый человек, изучающий психологию и психопатологию эмоций у животных или человека, вскоре сталкивается с проблемами эмоциональной привязанности: что вызывает развитие привязанностей и для чего они нужны" и в особенности, каковы те условия, которые влияют на ту форму, которую принимает их развитие.

В той мере, в какой психологи и психоаналитики пытались объяснить причину существования эмоциональных связей, они почти всегда обращались к мотивам пищи и секса. Таким образом, в попытке объяснить, почему ребенок становится привязан к своей матери, как теоретики обучения (Dollard, Miller, 1950; Sears, Maccoby, Levin, 1957), так и психоаналитики (Freud, 1938) независимо друг от друга утверждали, что это происходит потому, что мать кормит своего ребенка. Когда пытаются понять, почему взрослые люди становятся привязаны друг к другу, секс обычно рассматривается как очевидное и достаточное объяснение. Однако при тщательном изучении данных эти объяснения представляются недостаточными. В настоящее время имеется много доказательств, что не только у птиц, но также у млекопитающих детеныши становятся привязаны к материнским объектам несмотря на то, что их не кормят из этого источника (Harlow and Harlow, 1965; Cairns, 1966) и что совсем не всякая нежная привязанность между взрослыми сопровождается сексуальными отношениями, в то время как, наоборот, сексуальные отношения часто имеют место независимо от каких-либо продолжающихся эмоциональных связей.

То, что известно в настоящее время об онтогенезе эмоциональных привязанностей, говорят в пользу того, что они развиваются, потому что детеныш рождается с сильной склонностью приближаться к определенным классам стимулов, весьма привычных, и избегать других классов - весьма непривычных. Что касается Функции привязанности, то наблюдения животных в Дикой природе существенно говорят в пользу того, что биологической функцией большей части, если не всех, Привязанностей является защита от хищников - функция, столь же важная для выживания популяции, как и витание и

воспроизводство, но на которую обычно не обращали внимания исследователи, ограниченные стенами лабораторий и изучающие лишь человека, живущего в экономически развитых обществах.

Независимо от того, будут ли эти гипотезы подкреплены дальнейшей работой, способность особи устанавливать эмоциональные связи такого типа, которые соответствуют каждой фазе жизненного цикла ее вида и его или ее собственному полу, очевидно, является способностью, столь же типической для особей видов млекопитающих, как и их способности, например, видеть, слышать, есть и переваривать пищу. И, по всей вероятности, способность к установлению эмоциональных связей имеет высокую ценность для выживания видов, как и любая другая из давно изучаемых иных способностей. Оказывается продуктивным рассматривать многие психоневротические и личностные расстройства людей как отражение нарушенной способности формирования привязанностей вследствие либо неправильного развития в детстве либо последующего расстройства.

Разрушение эмоциональных связей и психиатрическое заболевание

Те люди, которые страдают от психиатрических расстройств - психоневротических, социопатических или психотических,- всегда показывают нарушение способности к установлению нежной привязанности, часто тяжелое и длительное. Хотя в некоторых случаях такое нарушение явно вторично по отношению к другим патологическим изменениям, во многих случаях оно, вероятно, первично и проистекает от отклонений в развитии в период его детства, проведенного в нетипичной семейной обстановке. Хотя разрушение привязанностей, которые связывают ребенка с его родителями, является не единственной формой расстройства, которую может породить окружающая обстановка, это наиболее надежно описанная форма, относительно влияния которой нам больше всего известно. (Имеются также ценные исследования реакции взрослых людей на тяжелую утрату и взаимосвязи реакций на тяжелую утрату с психиатрическим заболеванием (Parkes, 1965). В короткую статью невозможно включить обсуждение этих открытий.)

При рассмотрении возможных причин психиатрического расстройства в детстве детские психиатры давно осознавали, что предшествующие состояния, обладающие значительно высокой распространенностью, являются либо отсутствием возможности устанавливать эмоциональные связи, либо, вдобавок, переживанием длительных и, возможно, неоднократных разрушений однажды установленных привязанностей (Bowlby, 1951; Ainsworth, 1962). Хотя широко разделяется точка зрения о том, что такие состояния не только связаны с последующим расстройством, но и являются его причиной, такое заключение, тем не менее, остается спорным.

В последние годы проводятся многочисленные исследования относительно распространенности утраты в детстве в различных выборках психиатрических популяций. Вследствие того, что выборки клинического материала и группы сравнения составлены столь различным образом, критерии утраты в разных работах определяются по-разному, и нелегко дать интерпретацию множеству демографических и статистических случайностей. Однако независимые авторы согласованно сообщают об определенных научных открытиях, включая описания многих недавних и хорошо контролировавшихся исследований, к которым мы можем испытывать обоснованное доверие. Постоянно обнаруживается, что двум психиатрическим синдромам и двум видам связанных с ними симптомов предшествует высокая встречаемость разрушенных эмоциональных связей в детстве. Данными синдромами являются психопатическая (или социопатическая) личность и депрессия; данными симптомами - стойкая преступность и самоубийство.

Психопат (или социопат) - это человек, который, не будучи психотиком или психически субнормальным, постоянно участвует в (а) действиях против общества, например, в преступлениях; (б) действиях против семьи, например, не заботится о нуждах семьи, проявляет жестокость, сексуальную неразборчивость в связях или перверсию; (в) действиях, направленных против самого себя, например, испытывая пристрастие к наркотикам, совершая или пытаясь совершить самоубийство, неоднократно бросая свою работу.

У таких людей способность устанавливать и поддерживать эмоциональные связи всегда нарушена, и нередко ее отсутствие бросается в глаза.

Достаточно часто обнаруживается, что детство таких индивидов было чрезвычайно отягощено смертью, разводом или раздельным проживанием родителей или другими событиями, ведущими к разрыву привязанностей, с распространенностью такого расстройства намного выше, чем оно встречается в любой другой сравнимой группе, выделенной из общей популяции, либо среди психиатрических расстройств другого рода. Например, в исследовании свыше одной тысячи неоднократно лечившихся психиатрических амбулаторных больных в возрасте до 60 лет Эрл и Эрл (1961) диагностировали 66 пациентов как социопатов и 1357 - как страдающих от некоторого другого расстройства. Беря в качестве критерия отсутствие матери в течение шести или более месяцев до достижения ребенком шестилетнего возраста, авторы обнаружили встречаемость этого критерия в 41% случаев для социопатов и в 5% случаев для остальных больных.

Когда берется более широкий критерий, его встречаемость возрастает. Так, Крэфт, Стефенсон и Грэнгер (1964) взяли в качестве критерия отсутствие либо матери, либо отца (либо обоих) до десятилетнего возраста ребенка. Из 76 мужчин, находящихся в специальных больницах по причине того, что они являлись агрессивными психопатами, не менее 65% из них имели подобное переживание. При изучении нескольких

сравниваемых групп Крэфт показывает, как встречаемость такого типа детского переживания возрастает вместе со степенью антисоциального поведения, показываемого членами группы.

Другие исследователи, такие как Несс (1962), Гриэр (1964), Браун и Эппс (1966), сообщали о сходных статистически значимых данных для групп психопатов и стойких правонарушителей, а также для алкоголиков и лиц, пристрастившихся к наркотикам (Dennehy, 1966).

У психопатов высока встречаемость незаконнорожденности и перевода ребенка из одного "дома" в другой. Не случайно, что Брейди, один из марокканских убийц, был таким ребенком.

Другая психиатрическая группа, которая показывает намного большую распространенность утраты любимого лица в детстве, это группа суицидальных пациентов, как тех, которые пытались совершить самоубийство, так и тех, кому это удалось. (Хотя любая группа самоубийц и лиц, пытающихся совершить самоубийство, будет содержать в себе некоторое количество социопатов и людей с депрессиями, большинство лиц из этой группы, вероятно, будут диагностированы как страдающие от невроза или расстройства личности (Greer, Gunn, Koller, 1966), и, таким образом, они образуют совершенно иную психиатрическую группу.) Такие утраты наиболее вероятно случаются в течение первых пяти лет жизни ребенка и обусловлены не только смертью родителя, но также другими долговременными причинами, а именно, незаконнорожденностью и разводом. В этих отношениях суицидальные пациенты склонны походить на социопатов и, как будет видно позднее, отличаются от людей с депрессиями.

Среди многих разработок, сообщающих о высокой встречаемости утраты любимого лица в детстве среди пациентов, пытавшихся совершить самоубийство, например, исследования Брюна (1962), Гриэра (1964) и Кесселя (1965), недавно проведенная работа Гриэра, Гунна и Коллера (1966) - одна из самых точных. Серии выборок из 156 пытавшихся покончить самоубийством лиц сравнивались с аналогичными по размеру выборками психиатрических пациентов, не покушавшихся на свою жизнь, и с пациентами, которым была оказана хирургическая и родовспомогательная помощь без психиатрической патологии; обе эти группы сравнивались с группой лиц, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, по возрасту, полу, социальному классу и другим относящимся к делу переменным. Беря в качестве критерия утраты постоянное отсутствие одного или обоих родителей в течение по крайней мере двенадцати месяцев, Гриэр обнаруживает, что такие события происходили до пятилетнего возраста ребенка втрое чаще в группе лиц, пытавшихся совершить самоубийство, чем в любой из групп сравнения - сфера распространения в 26% против 9% для каждой из двух других групп.

Кроме того, утраты в группе лиц, пытавшихся совершить самоубийство, более часто были связаны с утратой обоих родителей и являлись постоянными, в то время как в других группах они более часто касались лишь одного родителя и были временными, будучи обусловлены такой острой необходимостью, как болезнь или работа¹.

При дальнейшем исследовании той же самой группы людей, пытавшихся совершить самоубийство (Greer, Gunn, 1966), было обнаружено, что те люди, которые страдали от родительской утраты до пятнадцатилетнего возраста, значительно отличались в определенных отношениях от тех людей, которые не испытали такую утрату. Одно такое отличие, находящееся в согласии с другими полученными данными, состоит в том, что те люди, которые в детстве страдали от родительской утраты, более вероятно будут диагностированы как социопаты, чем те, которые не страдали в детстве от подобной утраты (18% против 4%).

Другим состоянием, которое связано со значительно большей встречаемостью детской утраты, является депрессия. Однако тип переживаемой утраты склонен быть иного вида, чем полный распад семьи, типичный для детства психопатов и людей, пытавшихся покончить жизнь самоубийством. Во-первых, в детстве людей с депрессиями утрата более часто обусловлена смертью родителя, чем незаконнорожденностью, разводом или раздельным проживанием. Во-вторых, у людей с депрессиями встречаемость тяжелой утраты склонна возрастать во втором пятилетии детства, а в некоторых исследованиях также в третьем. О данных такого рода сообщали Ф.Браун (1961), Мунро (1966), Деннехью (1966) и Хилл и Прайс (1967). Эти исследования говорят о том, что утрата родителя по причине его смерти встречается в два раза чаще в группе людей с депрессиями, чем она встречается в популяции в целом².

---

¹ Смотрите также дальнейшее исследование взаимоотношения между тяжелой детской утратой и мыслями о самоубийстве у Адама (1973).

² Статистические данные относительно встречаемости утраты родителя в детстве у депрессивных взрослых часто были противоречивыми, и я упростил первоначальную версию этого параграфа, чтобы привести его в согласие с текущим мышлением. Самое последнее и исчерпывающее исследование данной проблемы (хотя и ограниченное женщинами), - это исследование Джорджа Брауна и Тиррил Харрис (1978). Они приходят к заключению, что детская утрата содействует клинической депрессии тремя различными путями. Во-первых, женщины, которые лишились матери по причине смерти или разлуки до одиннадцатилетнего возраста, более склонны реагировать на утрату, угрозу утраты и другие затруднения и кризисы во взрослой жизни развитием депрессивного расстройства, чем женщины без такой утраты. Во-вторых, если женщина ранее пережила одну или более утрат членов семьи по причине смерти или разлуки до семнадцатилетнего возраста, любая развивающаяся впоследствии депрессия склонна быть более тяжелой, чем у женщины без такой утраты. В-третьих, та форма, которую приняла детская утрата, влияет на форму любого депрессивного заболевания, которое может развиваться впоследствии. Когда детская утрата была обусловлена разлукой, любое заболевание, развивающееся впоследствии, склонно показывать черты невротической депрессии с симптомами тревоги. Когда утрата

Таким образом, в настоящее время достаточно надежно установлено, что в различных группах психиатрических пациентов встречаемость разрыва эмоциональных связей во время детства значительно повышена. Хотя эти более поздние исследования подтверждают предшествующие им данные относительно возросшей встречаемости утраты матери в раннем детстве, они также расширяют их. Для различных видов состояний, как это видно теперь, встречаемость разрушенных эмоциональных связей включает связи с отцами, как и с матерями, и обнаруживается как в возрасте от пяти до четырнадцати лет, так и в течение первых пяти лет жизни. Кроме того, в более экстремальных состояниях - при социопатии и суицидальных наклонностях - первоначальная утрата не только склонна иметь место в ранний период жизни ребенка, но также вероятно, что она была постоянной и что за ней последовало переживание ребенком неоднократной смены родительских фигур.

Тем не менее, показ возросшей встречаемости некоторого фактора - это одно, а показ того, что он играет причинную роль,- это совсем другое. В то время как большая часть исследователей, сообщавших об этих данных, по всей видимости, полагает, что возросшая встречаемость утраты любимого лица в детстве причинным образом связана с последующим психиатрическим расстройством и имеются многочисленные клинические данные, указывающие на это (относительно ссылок смотрите Bowlby, 1963), все еще остаются возможными альтернативные объяснения. Как пример, возросшая встречаемость материнской и отцовской смерти у психиатрических пациентов может быть результатом того, что возраст родителей пациентов был выше среднего во время рождения пациента. Если бы это было так, то не только ранняя смерть родителя была бы более вероятна, но у рожденного в более позднем возрасте ребенка была бы также большая предрасположенность родиться с неблагоприятной генетической наследственностью. Таким образом, то, что представляется детерминантой окружающей среды, в конечном счете может оказаться генетической детерминантой. Проверить эту возможность нелегко. Для ее подкрепления требуется следующее: во-первых, чтобы было обнаружено, что средний возраст матерей и/или отцов психиатрических пациентов действительно был выше, чем у популяции в целом; во-вторых, требуется показать, что любой более поздний возраст родителей, который может быть обнаружен, оказывает столь неблагоприятное воздействие на генетическую наследственность новорожденного, что возрастает вероятность психиатрических нарушений. Первое требование вполне может удовлетворяться: недавно полученные данные (Dennehy, 1966) говорят в пользу того, что средний возраст родителей психиатрических пациентов может быть выше возраста той популяции, из которой они происходят. Однако относительно второго требования получить данные более трудно. Очевидно, потребуется некоторое время, прежде чем этот вопрос будет решен.

была обусловлена смертью, любое заболевание, развивающееся впоследствии, склонно показывать черты психотической депрессии с большей задержкой развития.

Тем временем те исследователи, которые считают, что взаимоотношение между разрушением эмоциональных связей в детстве и расстройством способности поддерживать эмоциональные привязанности, типичным для расстройств личности в последующей жизни, является причинным, указывают на другие данные в поддержку своей гипотезы. Они имеют отношение к поведению детенышей человека и детенышей других приматов, когда разрушается эмоциональная связь с родителем вследствие разлуки и смерти.

Краткосрочные воздействия разрушенных связей

Когда маленький ребенок обнаруживает себя в окружении незнакомых людей и без знакомых родительских фигур, он не только испытывает в это время интенсивное страдание, но также ухудшается его последующее взаимоотношение со своими родителями, по крайней мере временно. Поведение, наблюдаемое у двухлетних детей в период и после короткого пребывания в районных детских яслях, является предметом систематического описательного и статистического исследования, предпринятого в Тэвистокке Хейнике и Вестхеймером (1966). Я обращаю внимание на ту часть их отчета, в которой они сравнивают поведение по отношению к матери десяти детей, которые некоторое время находились в детских яслях, а потом вернулись домой, с поведением группы сравнения из десяти маленьких детей, которые всегда оставались дома. У разлученных с родителями детей наблюдались две формы нарушения эмоциональной привязанности, ни одна из которых не отмечалась в группе сравнения не разлучаемых с родителями детей. Первой формой расстройства являлось эмоциональное отчуждение; вторая форма нарушения привязанности явно противоположна первой и заключалась в непреклонном требовании ребенка находиться рядом с матерью:

При первой встрече с матерью после того, как он находился вне дома с незнакомыми людьми в течение двух или трех недель, двухлетний ребенок типично остается отдаленным и отчужденным от нее. Хотя в первые дни пребывания вне дома ребенок обычно, жалостно плача, зовет свою мать, когда она, наконец, возвращается к нему, он ее как бы не узнает или избегает. Вместо того чтобы стремглав бежать к ней и крепко прижаться, как он, вероятно, повел бы себя, если бы на полчаса потерялся в магазине, ребенок часто смотрит сквозь нее и отказывается взять ее руку. Отсутствует всякое ищущее близости поведение, типичное для нежной привязанности, обычно вызывая у матери интенсивное страдание: и такое поведение сохраняется - иногда лишь несколько минут или часов, а иногда днями. Возобновление привязанности может быть внезапным, но оно часто медленное и постепенное. Длительность времени, в течение которого сохраняется отчуждение, несомненно, коррелирует с длительностью разлуки.

Когда – как обычно бывает – возобновляется поведение любви и привязанности, ребенок, как правило, намного сильнее цепляется за мать, чем это было до разлучения. Он не хочет, чтобы мать его покидала и либо раздражается плачем, либо следует за ней повсюду

в доме. Как развивается данная фаза, во многом зависит от реакции матери. Нередко возникает конфликт: ребенок требует постоянного присутствия своей матери, а она отказывает ему в этом. Такой отказ быстро вызывает враждебное и негативное поведение со стороны ребенка, которое склонно еще более испытывать терпение матери. Из десяти разлученных детей, наблюдаемых Хейнике и Вестхеймером, шесть показывали сильно выраженное и длительное враждебное поведение по отношению к матери и негативизм после своего возвращения домой: никакого подобного поведения не наблюдалось у неразлученных с родителями детей.

Очевидно, все же существует большая разница между проявлением того, если привязанность ребенка к матери, а также часто к отцу, нарушается вследствие кратковременной разлуки и явным показом того, что длительные и неоднократные разлучения причинно связаны с последующими расстройствами личности. Однако отчужденное поведение, столь типичное для маленьких детей после разлуки, несет в себе нечто большее, чем мимолетное сходство с отчужденным поведением некоторых психопатов, хотя будет трудно проводить различие агрессивно требовательного поведения многих маленьких детей, недавно воссоединившихся с матерью, от агрессивно требовательного поведения многих истерических личностей. Оказывается полезным признать, что в каждом типе случаев нарушенное поведение взрослого представляет собой перенесенные через годы девиантные паттерны поведения привязанности, которые были установлены как результат разрывов эмоциональных связей, происходящих в детстве. С одной стороны, это помогает организовать имеющиеся научные данные и ориентировать дальнейшее направление исследований; с другой стороны, это обеспечивает нас руководящими указаниями для повседневного умения справляться с такими типами людей.

Для продвижения нашего знания в этой области, очевидно, будет крайне ценно проведение длительных серий экспериментов для исследования краткосрочных и долгосрочных воздействий на поведение разрыва эмоциональной связи, принимая во внимание возраст субъекта, природу привязанности, длительность и частоту разрыва связей и, помимо этого, многие другие переменные. Однако столь же очевидно, что любые подобные эксперименты на людях исключены по этическим соображениям. Вследствие этих причин следует особенно приветствовать проводимые в настоящее время заслуживающие сравнения эксперименты с использованием не принадлежащих к человеческому роду приматов. Предварительные находки говорят в пользу того, что воздействия на шестимесячных детенышей обезьян-резусов временной утраты матери (шесть дней), как в ходе, так и после разлуки, напоминают аналогичные воздействия подобной утраты на двухлетних детей (Spencer-Booth, Hinde, 1966), например, страдание и пониженный уровень активности во время разлуки и чрезмерно выраженная тенденция Цепляться за мать после окончания разлуки. Кроме того, поведение обезьяны-матери напоминает поведение человеческой матери. Однако до настоящего времени нет

записей о детенышах обезьян, показывающих отчуждение, и это может представлять отличие видов.

У детенышей как людей, так и обезьян имеются очень Широкие индивидуальные вариации в реакции на разрыв связи. Некоторая такая вариабельность, вероятно, обусловлена воздействиями на младенца событий, происходивших во время беременности и рождения. Так Уко (1965) обнаружил, что мальчики, у которых при рождении было отмечено состояние кислородной недостаточности, намного более чувствительны к изменениям окружающей среды, включая разлуку с матерью, чем мальчики, которые при рождении не испытывали кислородной недостаточности.

С другой стороны, некоторая другая часть этой вариативности вполне может быть определена генетически. И действительно, представляется обоснованной гипотеза о том, что главным путем, которым генетические факторы влияют на развитие душевного здоровья или душевного заболевания, является их воздействие на поведение привязанности: в какой степени и форме и в каких обстоятельствах индивид может устанавливать и сохранять эмоциональные связи и как он реагирует на разрыв привязанностей. Предпринимая научные разработки такого рода, в будущем может оказаться возможным свести вместе исследования влияния окружающей среды и генетических факторов на расстройство поведения.